

УДК 811.161.1.35

**ДИГЛОСНЫЙ ХАРАКТЕР ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА
В РУССКОМ ПИСЬМЕ XVIII В.**© *Майоров Александр Петрович*

доктор филологических наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: map1955@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы становления графико-орфографических норм литературного языка в XVIII в. В языке деловой письменности сформировался орфографический узус, обусловленный необычным взаимодействием книжной и приказной традиции. Данное взаимодействие вызывало варьирование графико-орфографических средств, которое в качестве своеобразной черты делового языка противопоставляло его сначала «гражданскому посредственному наречию», а позже литературному языку нового типа – «славенороссийскому». Данное противопоставление изучается на материале графико-орфографических явлений забайкальских памятников деловой письменности, с одной стороны, и «Российской грамматики» М. В. Ломоносова – с другой. Наличие параллельных правописных норм уже получило характеристику в исторической русистике как понятие орфографического дуализма. Однако данное понятие в статье дополняется анализом функциональной противопоставленности двух графико-орфографических систем в рамках диглосного противостояния двух идиомов – канцелярского узуса и литературного языка нового типа. Во избежание произвольного истолкования ряда правописных норм делового языка как отражения фонетических процессов на письме в статье последовательно разграничиваются фонетические и графико-орфографические варианты. В результате сопоставительного исследования было установлено: 1) употребительность дублетных букв практически до конца столетия в рукописных документах и устранение омофонии в первой трети XVIII в. в печатных изданиях; 2) использование, в отличие от языка печатных изданий, в канцелярской скорописи особых графико-орфографических правил – правописание букв Ъ и Ь, отсутствие отражения мягкости согласных, связанные с правилом употребления выносных букв в приказной традиции; 3) варьирование, в отличие от языка печатных изданий, графико-орфографических средств в канцелярской скорописи как определенный принцип правописания – фонетический и фонематический принципы правописания приставок и предлогов на *з/с*; слов с суффиксом *-ск-* после основ на *д/т* (*-дск/-тск* */-цк-*), форм глаголов на *-ся* в презенсе и инфинитиве (*-тсья/-тсья* */-тца/-ца*), смешение написания букв *ѣ* и *е*.

Ключевые слова: узус деловой письменности XVIII в.; орфографическая норма; графико-орфографические варианты; скорописное деловое письмо.

Для цитирования

Майоров А. П. Диглосный характер орфографического дуализма в русском письме XVIII в. // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 4. С. 20–31.

Введение. Динамика языковой ситуации XVIII в.

Как известно, значительный период истории русского литературного языка проходил в условиях своеобразного функционального взаимодействия двух языковых систем – церковнославянской и русской. Такую языковую ситуацию, когда генетически разные (хотя и близкие) языки функционально дополняют друг друга, обслуживая одно языковое сообщество, Б. А. Успенский применительно к русскому языку XI–XVII вв. называет ситуацией диглоссии. Тогда церковнославянский язык использовался в религиозно-сакральной и других книжных сферах, а собственно русский язык – в бытовой и юридической.

Здесь следует сделать одно существенное дополнение. Для рассматриваемого периода говорить о двух языках в строгом смысле не приходится: «церковнославянский язык» и «народно-разговорный язык» в XVIII в. – это уже идиомы, представляющие собой социальные формы национального языка, и термин «язык» в отношении этих форм применяется историками языка условно. Под диглоссией в данной работе понимаются «две или более разновидностей одного и того же языка, используемые некоторыми говорящими при различных обстоятельствах». Такое понятие, сформулированное в свое время автором данного термина Ч. Фергюссоном, предполагает различный уровень коммуникативной близости идиомов, который «определяет необходимость передачи с одного из них на другой в процессе общения или, напротив, отсутствие подобной необходимости» [1, с. 97].

В XVIII в. функции церковнославянского языка резко расширяются и идет активный синтез книжных, приказных и разговорных форм в деловой письменности, книжно-славянских, общеупотребительных и народно-разговорных средств в художественной литературе и публицистике, первой периодической печати, научных трактатах и т. д. С этим синтезом связывается процесс нормализации литературного языка нового типа. Выработывается новый идиом, сочетавший в себе синтезированные средства и получивший название «гражданское посредственное наречие». Кардинальные изменения затронули и деловой язык, в котором появляется новый пласт юридической и судопроизводственной терминологии, имеющей генетические черты церковнославянского языка.

Приказная традиция в деловом языке остается еще достаточно значимой на протяжении всего XVIII в. Рассуждая о единстве природы русского и церковнославянского языков, В. М. Живов подчеркивает, что «в XVIII в. приказной язык продолжал существовать как особая лингвистическая традиция, параллельная традиции литературного языка и, по-видимому, никак на нее не влияющая» [3, с. 304].

Необычное сочетание и взаимодействие книжной и приказной традиции придавало деловому языку исключительное своеобразие, противопоставляя его в Петровскую эпоху «гражданскому посредственному наречию», а со 2-й половины XVIII в. литературному языку нового типа – «славенороссийскому». Это, похоже, отражалось прежде всего в графико-орфографических явлениях – в письменном узусе делового языка, с одной стороны, и в языке печатных изданий – с другой. В связи с этим цель данной работы – проследить систему варьирующихся графико-орфографических средств скорописной деловой письменности в сопоставлении с явлениями книжной нормы в языке печатных изданий как пример диглосных отношений, возникших в языковой ситуации XVIII в. Исследо-

вание проводится на материале забайкальских документов исследуемого периода и «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.

Узуальная орфографическая норма делового языка XVII в., равно как и сама приказная традиция в целом, были унаследованы деловым языком 1-й половины XVIII в. В то же время в этот период идет неустанная работа по реформированию старой делопроизводственной системы, вводятся новые жанры документации, изменяется формуляр деловых бумаг, переосмысляются стилеобразующие средства делового языка. В качестве определенного кодификационного момента в этот период следует расценивать издание многочисленных нормативных документов (указов, циркуляров), устанавливающих не только новые образцы составления тех или иных деловых бумаг, но и использование книжных языковых средств в качестве стилеобразующих в новом деловом письме. Характерной чертой канцелярского языка этого периода является постепенная нормализация книжно-славянских элементов в официально-деловой документации – распорядительных, уведомительных, отчетно-исполнительных документах. Поскольку именно вариативность обеспечивает функционально-стилистическую дифференциацию литературных языков [7, с. 337] и, добавим, в переломный момент истории русского литературного языка она как никогда более проявляет себя, необходимо пристальное внимание уделять варьированию языковых средств в деловом письме XVIII в. в зависимости от жанра деловой письменности. Особо тщательно нормы делового языка соблюдались в документах распорядительного характера. В этом отношении показателен выбор книжного варианта при черновой правке документов этого жанра. В приводимых ниже примерах такая правка отмечается нами следующим образом: выбранный писцом вариант выделяется жирным, а заменяемое слово – курсивом в ломаных скобках:

... а ежели ты подлинно **вышеписанное** < *то* > чинил то для чево от тебя **онное** < *такая продержзость* > учинено < буква *о* исправлена из буквы *а* > [из указа – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 512 об., 1731]; а ежели **быть не изволите** < *не будите* > то оные отпра- вятца на Кяхту и чтоб **сие** < *какое* > известие какъ возможно **скоряе** < *скорее* > я получить могъ [из служебного письма – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 22, л. 431, 1757].

Вариантность, неизбежный спутник нормы, в данном случае ясно свидетельствует о языковой рефлексии «редакторов», отражающей ориентацию на употребление книжных слов *вышеписанный, оный, изволить, сей* как нормированных в официально-деловой письменности.

В частно-правовой и судебно-следственной документации больше сохраняются нормы приказного стиля. В связи с этим прослеживается традиционно бо́льшая свобода в употреблении разговорных форм. Как отмечается в исследованиях делового языка XVII в., употребление элементов разговорной речи, в том числе и лексических единиц, в определенных видах документов было не только допустимо, но являлось нормой [10, с. 16]. Материалы забайкальской деловой письменности свидетельствуют, что эта традиция свободного употребления разговорных форм в деловых текстах определенных жанров прослеживается на протяжении не только 1-й половины XVIII в., но и в последующий период.

Таким образом, в языковой ситуации России 1-й половины XVIII в. при сохранении противостояния нормы книжного регистра узусу деловой письменности следует констатировать начавшуюся тенденцию синтеза книжных и некнижных средств, а точнее, вторжение нормы литературного языка в сферу

узуса деловой письменности. Складывается поэтапная, ступенчатая экспансия распространения книжной нормы в деловом языке, которая заканчивается во 2-й половине столетия. Прежде всего на раннем этапе указанное противостояние нормы книжного и некнижного регистров проявляется в относительно разном языковом оформлении распорядительных документов, с одной стороны, и просительных документов – с другой. Для первых характерно преимущественное использование книжно-славянских слов как стилиобразующих средств официально-делового слога, для вторых – разговорной лексики, средств приказного стиля.

Понятие орфографического дуализма XVIII в. и его соотношение со спецификой языковой ситуации этого периода

Как свидетельствуют памятники деловой письменности XVIII в., процесс становления орфографических норм национального языка в этот период еще нельзя считать завершенным. Несмотря на то, что фонематический принцип русской орфографии в XVIII в. уже является ведущим [9, с. 152], в деловой письменности данного периода (особенно в региональной) правописные нормы, опирающиеся на этот принцип, еще не стабильны. Их колебания в значительной мере обусловлены узусом деловой письменности предшествующей эпохи, т. е. той традицией неморфологического, неэтимологического написания слов, которая складывалась под влиянием живого произношения и в результате применения особых графико-орфографических приемов, присущих для делового письма XVII в.

Иными словами, орфографический узус деловой письменности данного периода противостоит орфографической норме литературного языка, в то же время взаимодействуя с ней. Это взаимодействие порождает вариативность написаний, которая становится яркой чертой узуса деловой письменности XVIII в.¹ При исследовании орфографических принципов делового письма национального периода следует учитывать еще одно важное обстоятельство. В истории русской орфографии 18-е столетие характеризуется как период орфографического дуализма – существовала орфография печатных произведений, базирующаяся на морфологическом (фонематическом) принципе, и орфография рукописных памятников, где наряду с морфологическим принципом действовал фонетический принцип [9, с. 152]. Причем орфография скорописного узуса, отражая влияние нормы литературного языка, могла быть довольно специфична. Например, правописание приставок и предлогов на *-з/-с* может предстать в формах, эклектично сочетающих в себе морфологический (фонематический)² и фонетический принципы написания предлога *из* (*ис*):

¹ В принципе применительно к деловому языку можно говорить об узуальном варианте нормы, поскольку вариативность эта носит закономерный характер и в рукописных деловых документах достаточно регулярна и широко распространена. Похожий тип нормы, характеризующейся вариативностью, отмечается в церковнославянском языке донационального периода и называется “норма сниженного типа” [Ремнева 2003: 30–31]. Однако применительно к литературному языку XVIII в. и деловому языку, в частности, актуальным представляется анализ отношения “узус-норма”, т. е. исследование функционирования языковых единиц в речевой практике делопроизводства и кодификации применения языковых средств в любой социокультурной сфере.

² Далее в работе используется термин «фонематический принцип».

Взято из кузницы выплавленного **изс** подинных плавин укладу один пуд девять фунтовъ (НАРБ, ф. 262, 1736). Нет ли в нѣй золы зженой **изс** травы и назму и какъ впредь принимать раздѣлять и пробовать и познавать лишной примѣсь (ГАЧО, ф. 31, 1763).

В данном случае мы имеем дело со свидетельством того, что в русском письме наряду с фонетическим актуальными остаются традиционный и фонематический принципы, что предопределяло вариативность тех или иных написаний (*зделать – сделать, солдат – салдат*). Однако с течением времени фонематический принцип становится в русской орфографии ведущим. Следует отметить слабую изученность графики и орфографии памятников деловой письменности XVIII в. За исключением [9; 6; 4], в которых предпринимается исследование принципов русской орфографии в диахроническом плане, большинство работ, касающихся правописания гласных и согласных в XVIII в., носит сугубо частный характер.

Исследуя графико-орфографическое варьирование, необходимо четко определить границы предмета исследования. Для этого в работе последовательно разграничиваются фонетические и графико-орфографические варианты.

Среди фонетических вариантов выделяются следующие разновидности: 1) варианты заимствованных слов, которые в свою очередь подразделяются на два подвида: а) варианты слов, заимствованных из западноевропейских языков в XVIII в. (новозаимствованные слова типа *провиант/правиант, диспозиция/деспозиция*); б) автохтонные заимствования (например, *яманина/еманина/ѣманина* – заимствование из бурятского языка со значением ‘туша или шкура домашнего козла – ямана’); 2) варианты исконной лексики, которые также подразделяются на два вида: а) книжно-славянские слова как историко-фонетические варианты восточнославянских слов (*отвещать/отвечать, хоцеть/хочеть*); б) варианты народно-разговорной лексики, в которой, ввиду ее региолектного характера, выделяются разновидности с отражением явлений безударного вокализма (в предударной позиции после мягких согласных: *петнатцать/пятнадцать, воденая/водяная*, после твердых согласных в виде свидетельства сосуществования в забайкальском региолекте двух произносительных систем – оканья и аканья: *робята/рабята, зород/зарод*¹), неразличение в безударной позиции [а] [о] [у] [ы]: *омуль/омоль/омаль/омыль*; явления чередования согласных (глухих и звонких: *неполшая/небольшая, дебута-томъ/депутатомъ, рубажекъ/рубашекъ*; мягких и твердых: *пошлына/пошлина, промисель/промысль, махкую/мяхкую, взято/взатой, всакой/всякой*; звуков [ш’]/[шч]: *вещи/вешчи, клеищи/клеицы* и др.).

Разграничение фонетических и графико-орфографических вариантов представляется методологически важным, поскольку в современных историко-лингвистических исследованиях любое «фонетическое» написание может рассцениваться как отражение фонетических процессов на письме. Так, некоторые регулярные и широко распространенные написания трактуются как ассимиляция согласных по звонкости/глухости (*шездесят, зделать, дватцать*), как отсутствие передачи фонематической мягкости согласного (*болной, денги, сколко*), как

¹ Подробнее о возможности отражения оканья на письме см. в нашей работе [8].

стяжение [ТС] в [Ц] с вариантом [ТЦ] на морфемном шве (*учица, бранитца, имеетца*), как аккомодация [И] после твердых согласных на конце предлога или приставки *без ымяни, с ызбы*) [2, 33]. Иными словами, без анализа социального статуса и профессии писцов допускается, что последние полностью пренебрегают орфографическими нормами канцелярского письма XVIII в., а это по умолчанию предполагает довольно высокий уровень безграмотности составителей документов, поскольку «отражение фонетических явлений на письме» обычно есть не что иное, как выбор того или иного написания в пользу произношения, т. е. нарушение определенных письменных правил.

Еще в приказном письме XV–XVII в. активные, повсеместные и регулярные фонетические написания из фактов отражения фонетических явлений становятся орфографической нормой в силу формирующейся традиции их фонетической записи на протяжении длительного времени. Писцы канцелярских учреждений XVIII в., записывая слова *шездесят, дватцать, имеетца, сколько, из Ыркутска*, руководствуются уже фонетическим принципом русской орфографии, начало которого берет в приказной письменной традиции. Подобные написания встречаем в документах, составленных непрофессиональными, но достаточно грамотными, овладевшими узуальными нормами делового письма писцами и в XVII в., и в XVIII в., и в Забайкалье, и в Тобольске, и в других регионах России. Однако главное в том, что такие написания выходят также из-под пера профессиональных, опытных писцов. Подобные написания применяются в документах самых различных жанров, и что примечательно, – в официально-деловых, распорядительных деловых бумагах, в которых орфографические нормы соблюдались довольно строго. Показательно в этой связи равноправное применение фонематического и традиционного принципов, с одной стороны, и фонетического принципа, с другой стороны, в распорядительных документах XVIII в.: *имеется*, но по *зделани* [ПЗДП, 6, 1792 – из указа]; *находятся*, но *ис подчиненных* [ПЗДП, 8, 1738 – из определения]; *предписанию, отданъ, вперед*, но *зь границы* [ПЗДП, 15, 1792 – из приказа]; *с прошедшаго, от божбы, ехавши, реченного, его*, но *прозбе, з дороги* [ПЗДП, 16, 1795 – из приказа].

Иными словами, большинство регулярных «фонетических» написаний следуют письменной норме делового языка, опирающейся на фонетический принцип, но не представляют собой индивидуальные фиксации на письме фактов произношения безграмотных писцов.

Из графико-орфографических вариантов необходимо выделить наиболее распространенные и типичные из них: а) правописание приставок и предлогов на *з/с* – *из/ис, раз/рас, без/бес*: здесь нужно иметь в виду их написание не по фонетическому принципу, применяющемуся в современной русской орфографии, а их вариативное написание в одних тех же фонетико-орфографических позициях, т. е. написание типа *изправить/исправить, без цены/бес цены*; б) правописание с буквой *ѣ* и с буквой *е* (*хлѣба/хлеба*, в) правописание глаголов на *-ся*: (*производится/производитца*); г) правописания прилагательных с суффиксом *-ск-*.

Орфографический дуализм в данной работе рассматривается в несколько ином качестве, чем предлагается В. И. Осиповым [9]. С одной стороны, мы имеем дело с варьированием графико-орфографических средств, представляющим собой результат сохранения приказной традиции во взаимодействии с наследием

церковнославянской орфографии в скорописном канцелярском письме. С другой стороны, орфографическому узусу рукописного делового письма противостоит неукоснительное соблюдение письменных правил печатных изданий, отражавших нормы литературного языка нового типа.

Противопоставленность двух графико-орфографических систем отражает диглосное противостояние двух идиомов – канцелярского узуса и литературного языка нового типа, в функциональном аспекте. Данное положение хорошо раскрывается на примере письменных норм забайкальского узуса деловой письменности и печатного издания 1755 г. «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Следует подчеркнуть, что в последнем случае анализируется не содержание орфографических правил, кодифицируемых в труде великого русского ученого, а правописные нормы самого текста грамматики.

Орфографический узус скорописных документов в сопоставлении с орфографическими нормами печатного издания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова

Убедительным примером диглосного распределения в русской графике того времени выступает употребление дублетных букв в скорописном деловом письме и печатных изданиях.

Если в рукописной традиции, в частности в традиции делового письма, в отношении дублетных букв *з – љ, ф – ѱ, о – ѱ, и – ѣ, у – ѱ* прослеживается стремление придерживаться определенных графико-орфографических правил, то в печатных изданиях – устранение омофонии. Как отмечает В. В. Каверина, «если в печатных текстах гражданского письма дублетные написания исчезают сразу же после соответствующего указа, то в рукописной орфографии некоторые из них сохраняются и до конца столетия» [4, с. 22].

Так, в рукописном деловом письме вариативной в написании предстает графема Ъ, у которой еще в книжно-славянской традиции были употребительны разные варианты: **ы, ты, ѣи**, а затем употребление подобных вариантов было унаследовано приказным письмом. В забайкальских документах XVIII в. представлены случаи употребления буквы «ы» в одном и том же слове, имеющем нейтральную стилистическую окраску: *и с реченным Стрелковым щеть возыметь* (НАРБ, ф.20, 1785), а буквы «ѣи» – с высокой стилистической коннотацией: *И получа мы ... ея Императорского величества печатные указы весма обрадование возымели* [ГАИО, ф.783, 1785].

В печатных изданиях данные варианты графемы Ъ не употреблялись: пример тому – текст «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Безвариантное функционирование буквы Ъ вполне отвечало ориентации на строгое соблюдение единых норм литературного языка.

Другим примером орфографического дуализма, носящего диглосный характер, является правописание букв Ъ и Ѣ. В скорописном канцелярском письме сохраняется традиция употребления выносных букв, главным правилом которой было применение выноса согласной буквы над строкой в конце слова без написания Ъ или Ѣ после нее – *проси^м, указо^н* и также вынос перед гласной буквы без употребления Ѣ в качестве разделительной буквы – *о^бявляе^м*. В печатных изданиях правило употребления данных букв как «разделительных» знаков складывает-

ся уже в начале XVIII в., когда в печатных гражданских текстах перестают употребляться выносные буквы [4, с. 239].

Подтверждением применения разных, порою прямо противоположных принципов правописания в исследуемых идиомах является также правка печатных произведений Ломоносова в тексте их рукописных копий [5]. Трансформация, исправления в рукописных копиях произведений Ломоносова отражает следование рукописной традиции, которая сохранялась в скорописных текстах деловой письменности практически на всем протяжении столетия. В частности, исследователем отмечаются примеры исправлений: *возри* > *воззри*, *дерсский* > *дерзский*, *серце* > *сердце* (в издательской практике – морфологический принцип, в рукописной – фонетический), устранение Ъ в формах инфинитива (восходит к традиции выносных букв в скорописном деловом письме, в котором Ъ при выносе букв над строкой никогда не писался), *силном*; *судьбами* > *судбами* (отсутствие отражения мягкости, которое может восприниматься как фонетическое явление на письме, представляет собой орфографическую традицию деловой скорописи, унаследованную еще от церковнославянского письма) [5, с. 12].

Что же касается правописания согласных в предложениях и приставках на *з/с*, в инфинитиве на *-ться/-тца*; в суффиксе *-ск/-ц-* и правописания гласных (безударных, гласного «ять»), то распределение принципов правописания, применяемых в печатных изданиях и скорописном деловом письме XVIII в., нагляднее будет представить в виде таблицы.

Также, по предварительным данным, канцелярский узус имел определенные различия в применении принципов правописания в официально-деловых и частно-правовых документах. В последних преимущество отдавалось фонетическому принципу русской орфографии. Данные различия тоже будут продемонстрированы в таблице.

Орфографическая норма в печатном тексте «Российской грамматики» М. В. Ломоносова [РГЛ 1755]	Правописный узус забайкальских скорописных документов	
	официально-деловых	частно-правовых
Правописание приставок на <i>з/с</i> -преимущественно по фонетическому принципу: <i>бесконечно</i> [РГЛ 1755: 21], <i>бездушныя</i> [РГЛ 1755: 14], <i>расположеніемъ</i> [РГЛ 1755: 21] и т. п. Но два неожиданных отклонения: <i>безконечны</i> [РГЛ 1755: 19], <i>разсыпанныхъ</i> [РГЛ 1755: 21].	Правописание на <i>з/с</i> -отличается последовательной вариативностью: <i>без-</i> и <i>бес-</i> , <i>из-</i> и <i>ис-</i> , <i>раз-</i> и <i>рас-</i> , <i>воз-</i> и <i>вос-</i>	преимущественно фонетический принцип правописания: <i>бес-</i> , <i>ис-</i> , <i>рас-</i> , <i>вос-</i>
Строго фонематический принцип написания предлога <i>съ</i> и приставки <i>с-</i> :	Фонетический и фонематический принципы написания предлога <i>съ</i> и приставки <i>с-</i> : <i>з запасом</i> [ПЗДП, 56, 1769]; <i>по зделании</i> [ПЗДП, 6, 1792]; <i>с салдатом</i> [ПЗДП, 31,	Фонетический принцип написания предлога <i>съ</i> и приставки <i>с-</i> : <i>зделалось</i> [ПЗДП, 91, 65 об., 1785]; <i>здохлой</i> [НАРБ, ф.88, 1794].

	1766]; <i>сделались</i> [ПЗДП, 16 1795]	
Предлоги на <i>з/с</i> только по фонематическому принципу: <i>изъ, безъ (изъ того</i> [РГЛ 1755: 13], <i>безъ свѣта</i> [РГЛ 1755: 21]).	Фонетический и фонематический принципы <i>из</i> и <i>ис</i> (<i>из канцелярии</i> [ПЗДП, 10, 1754], <i>ис канцелярии</i> [ПЗДП, 11, 1730]);	Фонетический принцип <i>бес товарищеи</i> [ПЗДП, 91, 1785]; <i>бес чету</i> (там же); <i>из беговъ, ис коеи</i> (там же).
Фонематический принцип правописания прилагательных с суф. -ск-. Исключение: <i>французский</i> [РГЛ1755: 6].	Фонетический и фонематический принципы -дск-/-тск- /-цк-: <i>посадскои</i> [ПЗДП, 104, 1769], <i>посатскими</i> [НАРБ, ф.88, 1772], <i>посацкои</i> [ПЗДП, 31, 1769].	Фонетический и фонематический принципы.
Только -тся, -ться в глаг.формах 3 л. и инфинитиве <i>произносится, умягчаются</i> .	Вариативно: -ться/-тся /-ца/-ца: <i>имеется</i> [ПЗДП, 6, 1792].	Преимущественно: -ца/-тца <i>имеетца</i> [ПЗДП, 68, 1743]; <i>родитца</i>
Этимологически правильное написание буквы «ять».	Правильно в отдельных случаях: Правописание «ять» в наиболее употребительных словах с корневыми морфемами <i>бѣл-, вѣд-, вѣр-, дѣл-, желѣз-, крѣп-, лѣв-, мѣст-, мѣд-, сѣр-, трѣб-</i>	Вариативно, чаще неправильно.
Отсутствие отражения фонетических явлений на письме.	Отражение фонетических явлений в написании отдельных слов: <i>прозба, ево.</i>	Отражение фонетических явлений в написании отдельных слов: <i>прозба, ево.</i>
		Возможность отражения региональных фонетических черт (<i>плащы, урочишо, крык</i>)

Заключение

Обусловленная кардинальными реформами Петра Великого, активная динамика языковой ситуации в XVIII в. привела к парадоксальному положению дел в процессе становления единых норм национального языка. С одной стороны, осуществляется синтез книжно-славянской и народно-разговорной языковых стихий во всех сферах функционирования русского языка, идет интенсивная демократизация русского литературного языка. С другой стороны, происходит размежевание делового (канцелярского) языка и литературного языка нового типа (в Петровскую эпоху в образе «гражданского посредственного наречия», со 2-й половины столетия – в виде славенороссийского языка).

Противостояние литературного языка нового типа узусу деловой письменности реализуется в виде орфографического дуализма, а точнее – противопоставления строгих норм языка печатных изданий варьированию графико-орфографических средств в скорописной деловой документации. Вариативность написаний является яркой чертой узуса деловой письменности XVIII в., ее своеобразной узуальной нормой, которая была порождена взаимодействием книжной и приказной традиции в столетии. Анализ графико-орфографических вариантов в забайкальской деловой письменности в сравнении с данными «Российской грамматики» М. В. Ломоносова подтвердил факт противостояния, который можно охарактеризовать как присущее диглоссии функциональное распределение графико-орфографических средств по указанным сферам общения. В результате сопоставительного исследования было установлено:

1) употребительность дублетных букв практически до конца XVIII в. в рукописных документах и устранение омофонии в первой трети столетия в печатных изданиях;

2) использование в канцелярской скорописи, в отличие от языка печатных изданий, особых графико-орфографических правил – правописание букв Ъ и Ь, и отсутствие отражения мягкости согласных, связанные с правилом употребления выносных букв в приказной традиции;

3) варьирование, в отличие от языка печатных изданий, графико-орфографических средств в канцелярской скорописи как определенный принцип правописания – фонетический и фонематический принципы правописания приставок и предлогов на *з/с*; слов с суффиксом *-ск-* после основ на *д/т* (*-дск/-тск* *-/цк-*), форм глаголов на *-ся* в презенсе и инфинитиве (*-ться/-тся* */-тца/-ца*), смешение написания букв **ѣ** и *е*.

Таким образом, диглоссия как таковая не перестает существовать, а преобразуется, преломляясь в причудливые формы в связи с процессом объединения ранее противопоставленных церковнославянской и народно-разговорной языковых стихий.

Литература

1. Валуицева И. И., Хухуни Г. Т. Лингвистические и культурологические аспекты перевода // Вестник МГУ. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С.92–99.
2. Выхрыстюк М. С., Быкова Т. В. Особенности орфографии рукописных текстов учреждений просвещения г. Тобольска второй половины XVIII в. // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 68. 2012. № 21 (275). С. 32–35.
3. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
4. Каверина В. В. Становление русской орфографии в XVII–XIX вв.: правописный узус и кодификация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 45 с.
5. Кислова Е. И. Язык од М. В. Ломоносова сквозь призму рукописной и издательской традиции XVIII в. // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 7–24.
6. Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: Народный учитель, 2000. 287 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

8. Майоров А. П. Правописание гласных и отражение явлений безударного вокализма в региональной деловой письменности XVIII в. // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2006. № 1(11). С. 101–125.

9. Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. 251 с.

10. Полякова Е. Н. Лексика пермских памятников XVII – начала XVIII в. (к проблеме делового языка как функциональной разновидности литературного языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. 32 с.

Источники

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАЧО – Государственный архив Читинской области

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия

ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 260 с.

РГЛ – Российская грамматика Михаила Ломоносова. Печатана в Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1755 года. Факсимильное издание. М.: Художественная литература, 1982. 214 с.

DIGLOSSIC NATURE OF SPELLING DUALISM IN RUSSIAN WRITTEN LANGUAGE OF 18TH CENTURY

Alexandr P. Maiorov

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova, Ulan-Ude, 670000, Russia

E-mail: map1955@mail.ru

The article reviews the problem of the formation of graphic and orthographic norms of Russian written language in the 18th century. In the language of business writing, an orthographic usus was formed, due to the unusual interaction of the book and order traditions. This interaction caused a variation in graphic and orthographic means, which, as a peculiar feature of business language, first opposed to the «civic ordinary dialect», and later to the literary language of a new type – «Slavic Russian». This opposition is reviewed on the material of the Trans-Baikal business writing monuments and «Russian grammar» by Mikhail Lomonosov. The presence of parallel spelling norms has already been characterized in historical Russian studies as the concept of spelling dualism. However, this concept is supplemented in the article by an analysis of the functional opposition of two graphic and orthographic systems within the framework of the diglossic confrontation of two idioms – the clerical usus and the literary language of a new type. In order to avoid arbitrary interpretation of a number of spelling norms of business language as a reflection of phonetic processes in writing, the article sequentially delimits phonetic and graphic-orthographic variants. A comparative study allows to make the following conclusions: 1) double letters were used in handwritten documents almost until the end of the 18th century, while homophony was eliminated in the first third of the 18th century; 2) in contrast to the language of printed publications, special graphic and orthographic rules were implemented in clerical writing – the spelling of the letters б and ъ, the lack of reflection of consonants softness, associated with the rule of using external letters in the command tradition; 3) in contrast to the language of printed publications, graphic and orthographic means in cursive writing varied according to certain principle of spelling-phonetic and

phonemic principles of spelling prefixes and sentences on з/с; words with the suffix -ск- after stems on д/т (-дск-/ -тск-/ -цк-), forms of verbs -ся in the present and infinitive (-ться/-тся /-цца/-ца), mixing of writing letters *ѣ* and *е*.

Keywords: usus of business writing of the 18th century; spelling norm; graphic and orthographic options; cursive business writing.